

Любовь на льду

Константин КЕДРОВ

Евгений ГРИШКОВЕЦ,
«Рубашка». М., Время,
2004

Долгие годы я ждал, что Хемингуэй вернется, и он вернулся под фамилией Гришковец. Даже его пьесы напоминали мне старину Хэма своей затаенной интонацией. Хемингуэй — это война, любовь, выпивка и охота. Но, пожалуй, прежде всего — хорошая выпивка. Крепкая мужская пирушка без малейшего оттенка голубизны, плавно переходящая в бой.

У Хемингуэя был город выпивки, мечты и любви — Париж. У Гришковаца таким городом стала Москва. Ну, разумеется, он помнит, что последний гениальный роман о Москве написал Венечке, Гришковец все же довел своего героя до Кремля, чтобы на виду у всех башен горячо пописать в сутроб не вензелем, а воронкой. Венечка до Кремля так и не добрался. Все время попадал на Курский вокзал. Да и с выпивкой в те времена было туго. Разве что коктейль «Слеза комсомолки». А тут дорогуший коньяк, не хухры-мухры. И клубы ночные, где среди ночи огненный борщ по первому требованию. Могли мечтать о таком бедный Венечкин герой в сирой Москве 70-х, где после 19.00 все закрывалось, а все съестное и огненное могло кое-где возникнуть не раньше 11.00 утра? Было на сей счет специальное постановление партии и правительства.

Но не только старина Хэм и Колумб Петушков припоминаются во время чтения Гришковаца. Неотвязно присутствует тень великого романиста и киносценариста Роб-

ИРИНА КАЛЕДИНА

Гриее. Крупным планом угол подушки. Убегающим планом вертолет. Вертолеты, дредноуты, поезда и даже автомобили в детской символике модного драматурга — некая архетипическая аллюзия детской мечты и воинской доблести. Его герои только внешне мужественны. На самом деле они детишки, не наигравшиеся в войнушку. Хэм и Ремарк, вкусившие прелести Первой мировой, на всю жизнь останутся пацифистами, что не помешает им храбро участвовать и во Второй мировой.

А вот Гришковец — это какой-то особый случай имперского сознания героя, родившегося в развалившейся и сгнившей до основания советской империи. Он патриот того, чего уже давно нет. Вернее, никогда не было и никогда не будет.

Война любви или любовь войны, пожалуй, самое интересное в этой прозе. Здесь женщины появляются только, как голоса в мобильнике. Не считая, конечно, официанток и предметов клубного обхаживания на всякий слу-

чай. У друзей есть даже особая игра. Страстно ухаживать весь вечер, чтобы усадить ее в машину и... ни в коем случае не сесть рядом с ней. Весь кайф — остаться, помахивая ей вслед. Порывшись в памяти, можно извлечь что-то похожее из прозы того же Ремарка. Но там любовь побеждает и добьет, вернее, добьется своего, а уже потом, в разгар счастья зачухнет у него на руках от модного в ту пору туберкулеза. А тут не от СПИДа же ей погибать на коленях у Гришковаца с его хемингуэвским свитером. То есть рубашкой. Рубашка тут — символ снимаемой кожи. Каждый день другая рубашка и как бы единственная, считай последняя, жизнь.

Гришковец ставит давний юношеский мужской опыт: можно ли спастись от любви? Тут и Онегин с Печориным, и Болконский с Безуховым за спиною толпятся. И все они устами классиков хрипят: нет, нет, ничего у тебя не получится, Евгений. У нас не получится, и у тебя не получится. И друг твой Макс не заменит тебе ее в телефоне, когда ты по-

звонишь ему, а трубку возьмет она. И все ваши мужские клятвы, обеты — никогда ни с кем всерьез до конца — окажутся не очень честной игрой по отношению друг к другу и только. Все равно самцы подерутся, когда настанет миг любовного дележа.

Но тут у Гришковаца наготове всепоглощающая и праведная война. Там никто никого не любит, а просто вынимают пакет и зачитывают секретный приказ. Написано там отступать или наступать, не важно. На самом деле это приказ погибать. И герой (во всех смыслах этого слова) послушно погибает, разумеется, спасая товарищей. Тех самых, которые потом уведут его воображаемую подругу.

Роман написан по правилам виртуальной игры. Все происходящее как бы разыгрывается. Как бы не со мной, как бы не с вами, не с нами. Вот этого у Хэма, у Венечки не было. И у Ремарка тоже. Разве что у Роб-Гриее. Словом, Гришковец, будучи на всех похожим, ни на кого не похож. Говоря словами его же героя, он взглянул в зеркало и решительно не согласился со своим отражением.

Есть в романе рассуждение о балете на льду. Так трагично смотрится балерина на льду. Как бы она ни извивалась одна, а ведь все равно одна, и кругом только лед. Мужчина не так трагичен в своем одиноком балете. Ему и положено страдать и томиться среди вечного льда. Пожалуй, роман еще и об этом. О несводимости мужских батманов к женским пируетам. Это, конечно, балет на льду. Парный мужской номер, где один все-таки утлыкает с ней, а другой так и остается в одиночестве выпивать холодные вензеля.